
СЕРИЯ „ТОТ САМЫЙ ВОР“ · КНИГА 1
ЧЕТЫРЕ
ДНЯ
Он до сих пор думает, как вор — и видит то, чего не видят другие.
НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская
Четыре дня

https://litres.ru/74879152
SelfPub; 2026

Аннотация

Курьер Максим Гагарин, двадцати шести лет, пропал четыре дня назад. Полиция закрыла дело за три: ушёл по собственной воле, совершеннолетний, поводов нет. Его мать Алина приходит к детективу, который сам когда-то был там, куда полиция не ходит.

Виктор Кузнецов пятнадцать лет прожил в криминале: замки, маршруты, «заказы». Теперь он работает по ту сторону — но до сих пор думает, как вор. Курьер не бросает маршрут. Кто-то «скармливал» ему заказы. Кто-то ждал во дворе заброшенного общежития. А сеть, которая «кормила» курьеров, контролирует человек, которого Виктор не касался пятнадцать лет.

Виктору нужно найти Максима до того, как «маршрут» закроется, — и решить, открывать ли досье, которое он держал «чистым, как в деле».

Первая книга серии «Тот самый вор». Для читателей городского детектива с «некрасивым» героем, у которого свой кодекс.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Надежда Чародейская
Четыре дня

Глава 1

Дождь начался в девять сорок. Виктор Кузнецов знал это точно, потому что сначала дождь постучал в окно, а потом женщина на втором этаже начала кричать на мужа насчёт балкона. Стекло в кабинете на Пушкинской, второй этаж, так и не заменили: трещина в нижнем углу собирала воду, как маленький честный резервуар. Виктору это нравилось. Значило, что кабинет ни на что не претендует.

Кабинет был на втором этаже здания семидесятых: вход со двора, свет на лестнице включался ногой, а на третьем чей-то радио играло без куплетов.

Свет на лестнице включался ногой. Окно смотрело на боковую улицу, не на главную: на боковой меньше людей, на меньшей — меньше взглядов. На стене были часы, и стрелки часов не останавливались: Виктор заводил их в воскресенье. Остановившиеся часы — остановившееся время, остановившееся время — остановившееся дело. В кабинете был один выключатель, и свет горел всегда: светом не экономили. Пахло рабочим местом: сушёной бумагой, смазанными петлями, остывшим чаем в кружке. Кружка стояла в кабине-

те три года и два месяца, сколько стояла вывеска: вывеска — для прохожих, кружка — для его.

Вывеска на улице гласила «ЗАКРЫТО». Гласила три года и два месяца. Вывеска была для прохожих, не для клиентов. Те, кто приходил, стучали дважды, а потом ещё раз — через паузу, чтобы услышать, дома ли там, кто внутри, и в настроении ли.

Стук был кодом. Дважды — «я клиент». Пауза — «я не спешу».

Стук был кодом. Потом ещё раз — «я дома, я клиент и я знаю, зачем пришёл». Приходившего в код встречали в двери; приходившего не в код — у окна: за стеклом Виктор смотрел, как тот стоит в коридоре и как у того движется рука. Бывал клиент, который стучал не в код: пять раз подряд, как прохожий. Виктор дверь не открыл. Через две недели тот пришёл снова и постучал в код. Дело закрылось.

Утром постучали один раз, потом два, без паузы.

Виктор смотрел на дверь, не вставая. В коридоре стояла женщина и держала мокрый зонт обеими руками, будто зонт был её последним имуществом.

Будто зонт был её последним имуществом. Одежда у неё была не дорогая, но выглаженная: воротник, манжеты, подол — всё ровно. Когда человека гладят, а идти ему некуда, это значит, что он так стоит уже несколько дней.

Зонт она держала обеими руками, и руки не дрожали: дрожащие руки — это руки только что из полиции. Её руки бы-

ли руки того, кто час стоял в коридоре. Код был простой: дважды, пауза, раз. Она постучала раз, потом два, без паузы. Страх ломает код: страх стучит наспех.

— Виктор Александрович?

— Кто говорит?

— Алина Гагарина. Мой сын — Максим.

Фамилию она назвала первой. Она репетировала. Люди репетируют, когда боятся первого слова.

Она пришла в этот кабинет не случайно. В старом списке, к кому звонят, когда пропал человек, было два имени: первое — известное, с кабинетом в стеклянном доме; она посмотрела на цену первого и положила трубку. Второе имя было здесь, на боковой улице, на втором этаже, с вывеской, которая стояла три года и два месяца. Второе имя она нашла так, как ищут врача: по рукам тех, кто уже прошёл. Второе имя ей дала соседка, и соседка сказала одно слово: «Двери». Двери — и этого было достаточно.

— Садитесь.

Кресло было одно в кабинете — кожаное, из советской библиотеки, с треснувшим дерматином. Правила кабинета были три. Первое: клиент садится, кабинет слушает. Второе: дело начинается с имени, не с цены. Третье: конверт — только после. Первое правило нарушалось один раз, и нарушил его он: в первый день первого дела он стоял, пока клиент сидел. Он стоял одиннадцать минут, и дело не шло. С тех пор — кресло. Виктор не предлагал ни чай, ни кофе: он не

спрашивал, потому что спрашивать — это форма роли, а сегодня ему не до ролей. Он открыл блокнот — тонкий, чёрный, третий за год — и глянул на последнюю строку. Вчера он нарисовал в нём маршрут человека, который «сменил номер». Маршрут вёл на склад на Стальковке. Он был прав. Человек там был в три часа дня, с вторым телефоном и свежей стрижкой.

— Сколько дней? — спросил он, не поднимая глаз.

— Четыре.

Четыре: четыре — это время дела.

— Когда последний раз видели?

— Четырнадцатого. Он приходил домой. Я на кухне. Он сказал… — Алина остановилась. — Он сказал: «Мам, сегодня я поднял что-то, что не моё».

Ручка Виктора остановилась над страницей.

— Повторите.

— «Сегодня я поднял что-то, что не моё». И он поставил рюкзак и ушёл в ванную. А утром его… его не было. Рюкзак остался на стуле. Он всегда брал рюкзак с собой: в метро, в магазин, куда угодно.

Ручка остановилась, и капля упала в ту же минуту: с трещины, на пол, раз. Виктор услышал каплю и не посмотрел: он держал строку. Строка была чистая, детская строка, но у неё был взрослый вес. Так говорят, когда уже знают, что значит строка. Максим знал. Поэтому он поставил рюкзак и ушёл в ванную: тот, кто поднял не своё, моет руки.

— Чем он занимается?

— Курьер. Служба «Весёлый экспресс». Взял два месяца назад: завод закрылся… вы знаете, как это.

Завод закрылся.

— Когда он сказал, что уходит?

— Не говорил. Сказал: «взяли». На заводе говорят «взяли» — это рабочий слог. Не «устроился», а «взяли»: легче, и видна рука, которая берёт.

— Какой маршрут?

— Тушино до Медведкова. Утро. Вечером — «Перекрёсток».

— А это «что-то не его»?

— Не знаю. Он не успел.

— Долги? — спросил он.

— Нет. У него ничего не было: ни машины, ни своих денег. Он присылал на квартиру.

— Друзья?

— С завода. Завод закрылся, и они разошлись: один на юг, один на стройку, один на склад. Встречались на праздники.

— Перед четырнадцатым он что-нибудь говорил?

— Написал: «Приеду через час». В девятнадцать сорок. Приехал в двадать три часа пять.

Виктор молчал. Капля с трещины падала на пол раз в несколько минут, и он считал капли, как другие считают секунды.

Курьер не бросает маршрут. Маршрут — это его деньги,

его территория, его ритм: он знает консьержей, подъезды, где «заказ» ждёт на лестнице. Курьер, который два месяца ходил по одному и тому же маршруту и вдруг «ушёл по своей воле», — это как человек, который каждый день ходит через один двор и вдруг переходит улицу посреди двора. Это не уход. Это страх.

Курьер — профессионал маленького шага: он знает длину этажа, скорость лифта, время, за которое консьерж оборачивается. Для курьера маршрут — не линия, а тело: маршрут не ходят, маршрут — это он. Поэтому тот, кто вдруг «сменил», сменил что-то в теле: дюйм, шаг, дыхание.

— Полиция?

— На второй день ходили. На третий сказали: «ушёл по своей воле, совершеннолетний, поводов нет». Мужчина… он был молодой лейтенант. Даже стеснялся. Но бумага есть бумага.

— Сама его ищете.

— Ходила в «Весёлый экспресс». Диспетчер сказал: Максим рюкзак не сдал, на точке его не было, и последние три доставки его были… — Алина сглотнула. — В одно и то же место.

— Куда?

— Двор старого общежития на улице Ильича. Третий корпус. Двор заперт, здание пустует. Говорят, пожар был, говорят, ничего.

Диспетчер не знал номера корпуса, диспетчер знал кор-

пус. Корпус, который диспетчер называет «третий», — на маршруте диспетчера, а маршрут — это учёт. Учёт — это строки, и у строки есть край.

Виктор записал в блокнот:

Максим Гагарин, 26. Курьер, «Весёлый экспресс». Маршрут: Тушино—Медведково + «Перекрёсток» (вечер). Три последние доставки — один двор, ул. Ильича. «Что-то, что не моё».

Он не написал «курьер»: профессия в строку не вписывается. Строка — для человека: имя, возраст, маршрут, одно место. Остальное — в памяти, память — чистое место.

— Вы знаете, что значит «что-то не его» на языке курьера? — тихо спросил он.

Алина покачала головой.

— Значит, «заказ» был тяжелее, чем «заказ». Или «заказ» пришёл без адреса. Или кто-то дал ему конверт и сказал «неси, не смотри». Курьер — единственная профессия в мире, где можно нести всю квартиру и ничего не трогать. — Он закрыл блокнот. — И значит, что три последние доставки в один двор — не совпадение. Его «кормили».

Кормят так: заказ приходит в одно время, в одно место, с одним весом. Дважды — совпадение. Трижды — режим. Режим — не маршрут: режим — это след, и за режимом кто-то стоит. Кормящий знает, где курьер, а кормимый думает, что работает.

— Тогда где он сейчас?

— Он не «где». Он «что»: либо в рюкзаке, либо на маршруте, либо в деле. Уточним.

— Виктор Александрович, у меня нет… — она начала и остановилась и достала из кармана мятый конверт. — Не много. Он мне на квартиру присылал, я держала…

Виктор посмотрел на конверт. Не взял.

— Я беру дело, — сказал он. — Деньги — потом. Если найду. Если не найду — конверт верну. Это цена моего молчания, не ваш долг.

— А если не найдёте?

— Тогда вы его оставите и придёте, когда найдёте. — Он вернул конверт. — Идите домой. В «Весёлый экспресс» больше не ходите: кто его «кормил», тот имеет глаз на диспетчерскую, а вы там уже трижды были. И квартиру Максима — ничего не трогайте. Даже пыль.

— А если он вернётся?

— Если он вернётся, он не войдёт через дверь.

Дверь закрылась. Зонт капал в коридоре. Виктор посидел у окна, глядя на дождь, и только потом дописал последнюю строку в блокноте, под Максимом Гагариным:

Двор на Ильича. Третий корпус. Сначала замки.

Дождь закончился в двадцать один час пятнадцать. Виктор услышал: капли с трещины упали по одной, потом трещина высохла, и тишина вошла в кабинет тихо, как закрытая дверь.

Тишина вошла тихо, как закрытая дверь. Он заварил чай

и сел за стол. Блокнот лежал открытым: под Максимом Гагариным были две строки, вторая — последняя. Он прочитал строки в обратную сторону, с последней к первой: читать с конца — так закрывают дело, а он был на первом дне. Он закрыл блокнот, и блокнот закрылся чисто: тонкий блокнот закрывается чисто.

На улице лужи были чёрные, свет из окна напротив стоял в луже, и свет не шевелился: свет не шевелится, пока его не выключат. Он посмотрел на дверь кабинета. Дверь была закрыта, замок был хороший, ручка была на месте. Хорошая дверь не требует второго взгляда.

Он знал про замки больше, чем про людей. Знал, какой замок скрипит изнутри, а какой смазан: смазанный — им пользуются, скрипящий — давно не открывали, а пыль в ключе — это возраст последней руки. Он научился этому не на курсах и не по книгам: пятнадцать лет в ряду, и пять из них — в месте, где двери железные, а замки — единственные честные свидетели.

Он был в таких подворотнях пятнадцать лет. И такие подворотни помнили его тоже.

Глава 2

Квартира на Тушинской была на пятом этаже, и лифт не работал. Виктор поднимался медленно — не от усталости, а нарочно: чтобы считать и слушать. На втором — сериал. На четвёртом — ребёнок за фортепьяно. На пятом — тишина. Коврик у подъезда был старый, и на нём были следы: ботинки, потом ботинки, а потом — тонкие кеды, пара, бок о бок, носками в дверь. Последняя пара.

Последняя пара.

Дверь была металлическая, новая, со старой привычкой: закрывалась сама, но тихо.

Закрывалась сама, но тихо. Виктор посмотрел на замок из подъезда: замок был хороший, смазанный, в замочной скважине не было пыли. У того, кто живёт здесь, ключ крутится каждый день. Он поднял руку, чтобы постучать, — дверь открылась первой: там внутри слушали. Слушающая дверь — открытая дверь.

Алина впустила его, не дожидаясь стука. Пальто она сняла, но зонт всё ещё держала; влажные пряди прилипли к вискам.

— Я в его комнате не сплю, — сказала она. — На диване. В его комнате начинаешь слышать.

Виктор снял кроссовки и повесил у входа так, как вешал Максим — носком внутрь, пяткой наружу, левым вбок.

Обувь стояла так: он видел это по ковру.

— Я буду смотреть, — сказал он. — Вы здесь. Ничего не трогайте. Даже выключатель. Если темно — так и будет.

Сначала — квартира. Двухкомнатная: гостиная, кухня, коридор и комната Максима. Алина жила в гостиной, и её половина гостиной была видна: кровать в углу, столик с лампой, календарь на стене — месяц оторван. Кухня: стол, стул, чай в кружке, кружка чистая. На стене в коридоре — фотография: завод, группа, первый ряд, и Максим в первом ряду, слева, с поднятой рукой. 2008. Ему было восемнадцать.

Рука поднята. Часы в коридоре показывали пятнадцать сорок. Дело было на четвёртом дне.

Комната была маленькая: кровать, стол, шкаф, окно во двор. Комната Максима. Кровать заправлена по-армейски — курьерская кровать, на одну ночь. На столе — планшет, стопка распечатанных маршрутов, и под резиновым кольцом — сложенная карта.

Виктор посмотрел на стол. Планшет: обычный, с мягкой обложкой, уголок потерт. Стопка: маршрутные листы, распечатанные, листы ровные, с полтора десятка. Ручка: одна, с протёртым жалом, жало — рука много писала. Стакан: стакан для воды, стакан пустой, кольцо на столе сухое. Комната была в порядке: тот, кто уходит в порядке, не уходит, он идёт.

Виктор достал карту, не поднимая её от кольца, и развернул на столе.

Это была бумажная карта метро, мягкая от сгибов. По ней

синей ручкой был нарисован маршрут: Тушино, потом Медведково, точки — доставки. Карта курьера, территория курьера. И одно место, обведённое красным, — место, которого на карте не существует: пустырь у железной дороги, и одна тонкая улица. Ильича. Рядом с кругом, мелко, два ряда:

Ср. 19:00. 3-й подъезд. Не заходить.

Виктор переписал в блокнот слово в слово и посмотрел на почерк ещё раз. Буквы Максима были крупные, наклонные, впопыхах. Эти два ряда были другие: буквы мелкие, прижатые, и в одном месте ручка прорвала бумагу. Он боялся, когда это писал.

Он посмотрел на карту ещё раз. Маршрут был нарисован синим: линия чистая, точки ровные, ни одной точки вне линии: маршрут без сбоев — это маршрут без лишней точки. Линия кончалась в Медведково, а от Медведкова тонкая синяя линия уходила к краю карты, в место, где карта была белой: белое место на карте — то, что есть, а карта за ним не поспела. Ильича была на краю, в белом. Линия в белое — не маршрут: маршрут — это линия, а линия в белое — это шаг.

Рюкзак лежал на стуле, как говорила Алина. Теперь Виктор видел то, чего не видит мать: рюкзак был поставлен, а не брошен. Стул был пододвинут к столу, рюкзак сидел на сиденье ровно, лямки сложены на ручке. Курьер, пришедший с маршрута, рюкзак тащит: он скользит, бьётся о стену, ложится как ляжет. Рюкзак, который поставили, — это рюкзак, который выгрузили.

Рюкзак, который выгрузили.

Он посмотрел на стул. Стул был пододвинут к столу: стул двигали, а не тянули — на полу не было отметин. Тот, кто двигает стул, не спешит. Тот, кто спешит, бросает рюкзак, тот, кто не спешит, ставит. Поставленный рюкзак — это поставленный человек.

Виктор расстегнул отделение. Молния была заедшая, до середины, и бегунок погнут. Максим дёрнул. Внутри: пауэрбанк, запасная лямка, сложенный зонт, пакет. В пакете — белый конверт, пустой, непроклеенный, с загнутым язычком. Конверт курьерский. Того, что несут «не глядя».

Конверт был белый, гладкий, того, что печатают на службе: бумага курьерская. Язычок был загнут, не проклеен: проклеенный язычок — это закрытый, загнутый — это ждущий.

Он поставил рюкзак обратно так, как был: стул, сиденье, ровно, лямки сверху. Ни на миллиметр.

В шкафу на крючке висела куртка Максима. Шов на плече был расстёган — не разрезан, а расстёган, с одной стороны, и нитка ещё висела. Тяжёлый груз, и груз был с одной стороны: он нёс что-то, что не помещалось в рюкзак, или что было тяжелее рюкзака. Алина с порога:

— Я хотела отстирать. Стала бояться.

— Не стирайте, — сказал Виктор. — Она лучше свидетеля.

Лучше свидетеля.

Он посмотрел на подол. На левом подоле — тонкая пыль:

серая, мелкая, со старой штукатуркой. Пыль того двора. Он не трогал, только нюхал — и записал: серая, мелкая, старая. Дворовая.

Куртку он рассматривал от плеча к подолу. Шов на плече — правом — распускался по всей длине, нитка в трёх местах, и нитка была толстая: нитка была своя, он сам шил. Левый карман был пуст, правый был пуст, но ткань в левом кармане снизу была протёрта в одном месте: там что-то металлическое протирало. Не телефон: телефон — прямоугольник, прямоугольник не прёт. Металлический угол — квадрат. Прёт карман то, что двигается.

Ящик стола был приоткрыт. Виктор открыл. Внутри: запасная лямка, кабель и телефон. Старый телефон на кнопочках, чёрный, с расколотым уголком корпуса. Батарея на месте, экран мёртв. Виктор нажал клавишу.

Ничего.

Он поднял крышку. Место симки было пустое, и место было чистое: царапины свежие, металл не потемнел, пыль новая. Симку вытащили за два-три дня до «исчезновения». Курьер, который «уходит» сам, симку не выдёргивает: симка — это маршрут, симка — это деньги, симка — это голос диспетчера. Симку выдёргивает курьер, который знает, что его найдут. Или тот, кто уже нашёл.

Алина стояла у двери и смотрела, как он нажимает клавиши.

— У него был рабочий телефон. Новый, чёрный, с чехлом.

Он был для работы.

— А этот?

— Домашний. Он говорил: на работе — рабочий, дома — домашний. Домашним он много не пользовался. Говорил: телефон живёт там, где живёт, человек живёт там, где живёт.

Виктор положил телефон обратно и сел на место, где лежал рюкзак. Закрыл глаза и слушал комнату, как слушают двери. Комната курьера пахнет: картоном, пылью, соляркой с парковки, где ждёшь. А в этой комнате был третий запах, лёгкий, который он не мог расставить — как машинное масло, только нет, и как что-то нагретое. Он записал: встретить на «маршруте», там будет легче узнать.

Алина принесла чай. Она поставила кружку на стол и стояла: не садилась. Левая рука держала край рукава: рука, которая держит рукав, — это рука, которая долго стоит.

— Расскажите про четырнадцатое.

Она рассказала. Пришёл в двадцать три часа пять. Снял куртку и повесил на крючок — на крючок, не на плечики. Помыл руки. Сказал: «Устал», и положил руку на косяк двери. А потом — строка на кухне.

— Он трогает косяк, — сказала она. — Когда решит. А что решил — не говорит.

— Телефон, карту и куртку заберите с собой, — сказал он Алине. — А комнату не трогайте. Даже стекло. Я вернусь.

— Что вы думаете?

Виктор уже шнуровал кроссовки.

— Он не «исчез». Он готовился. Он написал, куда идёт, он выдернул симку, он выгрузил рюкзак и поставил его на стул. Такой человек не уходит надолго.

— Тогда где он?

— В красном круге. Четырнадцатого, в 19:00, третий подъезд. Не заходить. — Он остановился в двери. — На телефоне есть фотография. На экране блокировки. Я не глядел.

Почему не глядел: тот, кто сначала глянет, расскажет про фото, и тот, кому расскажут про фото, будет говорить про фото. Тот, кто увидит фото сам, будет говорить про того, кто на нём. Ему нужна была она, говорящая о Максиме, не о экране.

Алина побледнела.

— У него там была старая фотография, из детства. Другой я не видела.

— Тогда это его фотография, — сказал Виктор.

Он достал телефон ещё раз, нажал клавишу и держал. Экран мигнул — батарея, казалось, была мёртвая, а мигнула. На экране блокировки было фото, не обои: двор в темноте, третий корпус, подвальная дверь, и у двери — две фигуры. Одна в сером пальто, стоит. Вторая поменьше, в куртке, стоит на шаг назад.

Время на фото: 18:47.

Двор был в раннем сумеречном тёмном. Свет был с крыльца, свет один, и свет стоял сбоку: двор был наполовину

в свете, наполовину в тени. Фигура в сером пальто стояла в свете. Пальто: длинное, чистое, подол без складки. Чистый подол — это подол, по которому не ходят под дождём: тот, кто носит такое пальто, не приходит из двора, он приходит из другого места. Максим стоял на шаг назад, в тени, с опущенными руками. Шаг — дистанция. Дистанция — ранг. Тот, кто стоит на шаг назад, стоит не за, а ниже.

— Это он, — прошептала Алина. — Это Максим. А рядом — тот...

Виктор подержал фото подольше. Фигура в сером пальто стояла неподвижно, а Максим стоял на шаг назад, с опущенными руками, как будто слушал что-то. Фото было сделано из окна — из дома напротив: в углу видна была оконная рама, и в раме, в углу, занавеска. В том окне кто-то жил. Кто-то смотрел на этот двор четырнадцатого.

— Он не сделал её, — тихо сказал Виктор. — Курьер, который «несёт», всегда документирует: фото заказа, фото рук, фото адреса. Он боялся, поэтому документировал. Но этот кадр — не его: в углу кадра — рама, в раме — занавеска. Это свидетель. — Он выключил экран. — А потом кто-то выдернул симку. Хотели обнулить телефон, но забыли про фото.

Фото было снято со стороны: с другой стороны двора, трёхэтажный дом, окно второго этажа. В углу кадра — оконная рама, в раме — занавеска. Занавеска белая, обычная, с подворотом. В том окне кто-то жил. Тот кто-то видел двор в восемнадцать сорок семь, поднимал телефон и снимал кадр.

Кадр: подвальная дверь, серый, и тот, кто стоял на шаг назад. Свидетель — не жертва: свидетель стоит на расстоянии. А расстояние — это окно.

— У кого был доступ к его комнате?

— Узнаем. Сначала диспетчерская. Тот, кто его «кормил», знает это фото.

В коридоре Алина стояла у двери и не двигалась: она смотрела на дверь, на того, кто шнуровал кроссовки.

— Куртка, — сказала она. — В подкладке карман. Я шила сама, когда он был маленький. Он туда деньги кладал.

Виктор посмотрел на подкладку и не стал открывать: подкладку открывают на второй раз. Он взял куртку, сложил рукава и закинул на плечо.

На лестнице дом был тих: на втором сериал закончился, на четвёртом ребёнок закончил фортепиано. На улице дождь кончился, лужи были чёрные, и над лужами небо было одного цвета: цвет замка.

Телефон живой. Фото — восемнадцать сорок семь. Двор, третий корпус, подвальная дверь. Подкладка — на второй раз. Сначала диспетчерская.

Глава 3

Улица была деловой: кольцо, задний двор, стекло по обе стороны, вывески. Вывески — как люди: есть вывески, которые живут по своему адресу двадцать лет, а есть — три дня.

«Весёлый экспресс» был на заднем дворе у кольца, в стеклянном офисе между шиномонтажом и полиграфией. Вывеска была новая, стекло грязное — признак дела, которое растёт быстрее, чем деньги.

Растёт быстрее, чем деньги. Запах через дверь: картон, тонер, дешёвый чай.

Утром он прошёл маршрут. Пошёл в восемь двадцать, от Тушино, пешком, как курьер: не поспевая, а присутствуя. Утренний: Тушино — Медведково, четырнадцать точек, одиннадцать углов. Маршрут был телом: тело помнит руки того, кто по нему ходил. Прошёл он без блокнота и без ручки: маршрут не пишут, маршрут помнят.

Маршрут помнят. Дошёл он до Медведкова, а от Медведкова дошёл до кольца: у маршрута есть край, край — Ильича. Во двор он не пошёл. Сначала замки.

В одиннадцать сорок он был у «экспресса». На точке в час — работа: в час у точки очередь, в час диспетчер за стойкой.

Диспетчер за стойкой. Одиннадцать сорок — после часа, очередь пуста, диспетчер за стойкой. Пустая точка — точка, которая ждёт клиента. Ждущая точка — точка, которая не

задаёт вопросов.

Виктор не входил следователем. Он никогда так не входил. Он входил клиентом: с собой была маленькая коробка, обмотанная скотчем, и в коробке лежал только кирпич мёда — мёд лучший «заказ»: тяжёлый, тихий, и не про него вопросы.

Коробка была маленькая, обмотанная скотчем снизу и по бокам, без наклейки. Без наклейки — это коробка, которую не ищут: коробка с наклейкой говорит, откуда она родом, коробка без наклейки ничего не говорит, а «ничего» — это самое тяжёлое, что можно нести. Коробка говорила: во мне есть, я тяжёлая, меня несли далеко. История коробки — кирпич.

На точке работали двое за стойкой: девушка в наушниках, и за перегородкой, в отдельном помещении, мужчина. Диспетчер. Из нагрудного бейджа звали его Денис. Лет тридцать пять, лицо румяное от жара сервера, форма с логотипом, вытертая на воротнике.

На стойке: сканер, весы, стопка бланков. Весы были со стрелкой: стрелка не лжёт, стрелка — второй свидетель точки. Девушка в наушниках держала телефон на ухе: наушники были для телефона, не для музыки, девушка — второй диспетчер. За перегородкой гудел сервер: гудение сервера — это сердцебиение точки, и сердцебиение — ровное.

— Добрый день. Хочу отправить, — сказал Виктор. — Тяжёлое. «Премиум».

Денис посмотрел на коробку, и лицо у него перестроилось. Не резко — так, как перестраивается лицо мужчины, когда клиент называет то, чего нет в меню.

Чего нет в меню.

— «Премиум» — по списку, — сказал он. — Список клиентов есть. Свободных не берём.

— У меня есть рекомендация.

— От кого?

— Из списка.

Денис молчал несколько секунд. Девушка в наушниках не подняла глаз, но телефон в её руке наклонился: девушка наклонила телефон — девушка слушает. На точке слушают двое: диспетчер слушает глазами, девушка слушает рукой. На перегородке наклейка: «Время работы 9:00–21:00». Снаружи — шиномонтаж.

— Кто вы? — спросил Денис.

— Виктор. Носил.

Это была ложь, и хорошая, потому что в мире «экспрессов» Виктор был ровно тем, кого им надо: с опытом, с маршрутом, которому можно доверять запечатанные конверты. Лицо Дениса расслабилось на полградуса.

На точке смотрят на три вещи: лицо (своё ли), имя (есть ли в списке), коробка (несёт ли). Лицо было чистое, имя было чистое, коробка была чистая: всё три — чистые. Чистый клиент — это клиент, с которым говорят.

— «Премиум» — по вечерам, после обычной смены, —

сказал он. — Курьер забирает конверт на точке, не глядит, доставляет, получает наложенный. Наличные в конверте. Запечатаны. Подпись на отдельном бланке. Мы не спрашиваем, они не спрашивают. Вот и вся работа.

Мы не спрашиваем, они не спрашивают.

Виктор слушал и не перебивал. Точка объясняет схему так, как школа объясняет правила школы: без шёпота, в обычный голос, потому что схема — легальная бумага. Незаконный — содержимое, законная — бумага: бумага — это схема, схема — это точка, точка — это бумага.

— Сколько?

— По весу. Три, пять тысяч.

Денис не поднимал коробку: на точке вес известен раньше веса. Коробка говорит вес, вес говорит цену, цена говорит ряд.

— И кто по списку?

Денис посмотрел на него ещё раз, теперь подольше.

— Вам зачем?

— Маршрут выбирать. Я адреса не беру, где было плохо.

Это было правда, в каком-то смысле: Виктор не «носил», но маршруты у него были, и выбирал он их так, как все в мире «экспрессов» выбирают — по чистоте. Денис наклонился к стойке ближе и понизил голос:

— Список не рассказывают. Но расписание можно. По вашему маршруту.

Он достал из-под стойки лист — «расписание курьеров»,

прибитое к стене. Лист был прибит гвоздём, и гвоздь был в углу: угол — это подпись точки, точка подписывается гвоздём. Расписание было с сгибом в углу, и сгиб был недельный: недельный сгиб — это расписание, которое сто раз доставали из-под стойки. Виктор смотрел. Маршруты были точками, курьеры — именами, и над именами — смены. Его маршрут был нарисован синим, а над ним, красным, другой ряд: «премиум». И одно имя, над красным рядом, было перечёркнуто маркером, а над ним — новое: М. Гагарин.

Синий маршрут был тот, что он прошёл утром: ручка рисует линию, ноги рисуют линию, и линия ног толще линии ручки. Бумажная линия была ровная, линия ног — с одиннадцатью углами. Угол — это точка, точка — это тело.

— А кто был до? — спросил Виктор.

— Кто?

— Перечёркнутый.

— Ноготь, — сказал Денис. — Ушёл. За две недели до Гагарина, резко. Даже форму не сдал.

— Где он работал?

— Не знаю, — сказал Денис. — Он уже не наш.

«Уже не наш» — это слово диспетчера. У диспетчера в мире список в две колонки: список и перечёркнутый. Перечёркнутый не стирают, перечёркнутый перечёркивают: на точке перечёркнутого не стирают, перечёркнутого оставляют ряду. Ряд — хозяин перечёркнутого.

Виктор запомнил имя и не давил. Давить — это роль, а

ему сегодня не до ролей. Он поставил коробку на стойку.

Коробка встала на стойку: стойка — это рука точки, стойка приняла коробку. Он поставил коробку на стойку так, как ставят курьеры: не с грохотом, не с нежностью, по высоте веса.

— Тогда берите меня. На «премиум».

— Не могу. Сегодня на «премиуме» никого.

— Почему?

— Курьер не сдал последний заказ, — сказал Денис. — А когда курьер не сдал, ряд закрывается. Пока не разберутся, новых не берут.

— Сколько это займёт?

— Не знаю.

«Не знаю» на точке — честный ответ: точка не знает, знает ряд. Ряд знает по своим правилам, и правила ряда не вписываются в стойку: они вписываются в ряд.

Виктор посмотрел на расписание ещё раз. Красный ряд «премиума» вёл в одну точку, и точка была на краю карты, где улицы печатают мелким. Виктор прочёл название дважды, и оно совпало с тем, что было в блокноте: улица Ильича.

Ильича. Улица из блокнота, улица из карты Максима, улица из фото. Город большой, а у большого города один край: край — одна улица, улица — один двор, двор — одна подвальная дверь. Три улицы — одна улица. Виктор закрыл блокнот: в блокноте одна строка, и у строки один край.

— Мне нужен журнал, — сказал он. — По моему ряду. Хочу знать, какой «заказ» беру.

Денис не двигался долго. Потом открыл ящик и достал папку — «журнал доставок». Бумага, три недели. Виктор листал. Обычный ряд — ровно: маршрут, подпись, время. Журнал пишет доставленное, журнал не пишет недоставленное: недоставленное — не строка, недоставленное — дыра. Дыра в журнале — дыра в ряду. И три страницы, красным, «премиум»: дата, время — 18:30, 18:40, 19:00, адрес — один, имя — «В. Семёнов», сумма — три тысячи, три тысячи, пять тысяч. Сумма росла.

Сумма росла. На точке сумма не растёт: на точке сумма ровная, вес ровный, день ровный. Растущая сумма — не точка: растущая сумма — это ряд, который знает вес и добавляет к весу.

— Последний, — сказал Виктор. — Когда?

— Пять дней назад.

— И курьер?

— Гагарин. — Голос Дениса был ровный. — Курьер.

Пять дней. Пять дней — это весь ряд: ряд длиною в пять дней, пять дней — короткий ряд. Короткий ряд — это ряд, который закрывают: ряд, который закрывают, закрывает курьера.

Виктор переписал в блокнот три строки: время, суммы, имя. На столе за спиной Дениса горел второй монитор — приложение слежения, карта с точками. Взгляд Виктора

упёрся в одну точку, которая не двигалась: точка на краю карты, у улицы, напечатанной мелким. Временная метка под точкой: 14, 18:47. То же время, что на фото.

18:47 — это середина очереди: очередь — 18:30–19:00, а 18:47 — середина. Точка не двигалась: неподвижная точка — это стоящий курьер, стоящий курьер — это курьер, который стоит у двери. У какой двери — это говорит фото: подвальная дверь.

Денис увидел его глаза и быстро закрыл окно.

— Трекер у нас отвалился, — сказал он. — По «премиумному» ряду всегда отваливается.

Трекер по «премиумному» ряду не отваливается: трекер по «премиумному» ряду отключают, чтобы ряд не оставил следа. Ряд без следа — ряд без свидетелей, а ряд без свидетелей — ряд, который можно закрыть тихо.

Виктор поставил папку на стойку, поставил коробку на стойку и застёгнул куртку.

— Я вернусь, — сказал он. — За маршрутом.

— Виктор, — сказал Денис ему вслед. — Ряд закрыт. Лучше не стучать.

Денис сказал это без зла: на точке предупреждают так, как на точке: голосом коллеги. «Ряд закрыт» — закрытый ряд это не слово, закрытый ряд — это состояние: состояние не разговаривает, состояние стоит.

Состояние стоит.

Виктор вышел в коридор, из коридора — на улицу. Не

оборачивался на стекло. Напротив, у обочины, стояла машина — серый седан, мотор не работал, а за рулём сидел мужчина в сером пальто и смотрел на вывеску «экспресса».

Машина стояла у обочины, колёса параллельно обочине: стоящая машина — это машина, которая ждёт. Мотор выключен, свет выключен, дворники лежат: всё выключено, кроме глаз. Глаза были на вывеске. Вывеска была новая, глаза были старые.

Виктор обошёл квартал и ушёл задним дворами. Считал шаги, как считал капли: не от страха. Чтобы запомнить.

Глава 4

В офис Виктор вернулся поздно. Дождь кончился, но трещина в нижнем углу капала всё ещё — вода с козырька, поздняя, через минуту. Лампу он не включил. В кабинете было две лампы: настольная, для работы, и маленькая, «для журнала», — он повесил её у окна ещё в первый месяц, потому что журнал не любит яркий свет: в ярком свете факты начинают блестеть, а блеск мешает. Лампа для журнала освещала одну вещь — блокнот.

Одну вещь — блокнот.

На столе под лампой лежали четыре вещи. Фотография — он переснял её с телефона Максима на свой и распечатал в копировальной рядом с полиграфией, пока Денис возился с «трекером». Карта — Максимовская, с красным кругом. Три строки из журнала: 18:30, 18:40, 19:00; три тысячи, три тысячи, пять тысяч; «В. Семёнов». И приписка с Максимовой карты: «Ср. 19:00. 3-й подъезд. Не заходить».

Фото было в размер листа, печать чистая, фото тёмное: тьма на фото — это двор, не печать. В углу фото — занавеска, занавеска — это окно, окно — это свидетель. Карта была сложена по старому сгибу, сгиб мягкий: мягкий сгиб — это карта, которую носили в рюкзаке. Три строки — строки переписаны его рукой, и почерк ровный: ровный почерк — это почерк, который думает. Приписка — приписка почер-

ком Максима, и почерк притоптан в бумагу: притоптанный почерк — это почерк, который боится.

Виктор читал дело так, как читал двери: не факты, а маршрут.

Не факты, а маршрут. Дело — это маршрут, маршрут — это тело, тело — это человек. Он не собирал факты, он шёл маршрут: факты — это углы, углы — это точки, точки — это маршрут. Маршрут не читают на месте, маршрут проходят.

Первое, что не сходилось, — время.

18:30. 18:40. 19:00.

Время — не доставка. Доставка — это маршрут: адрес, потом адрес, время тянется, как жвачка. Три точки в одном адресе, с интервалом в десять, потом в двадцать минут — это не доставка. Это очередь. Кто-то забирает «заказы» в третьем корпусе по вечерам, в очередь, с интервалом — как приёмная точка. «Премиум» — не доставка из А в Б. «Премиум» — сбор: курьер приносит что-то, и третий корпус — место, где «что-то» копится. Сбор — не доставка: в доставке предмет движется, в сборе предмет стоит. Стоящий предмет — это предмет в учёте, предмет в учёте — это предмет, который считают. Третий корпус — учёт, и у учёта своё время: время учёта — вечернее.

Второе — суммы.

Три, три, пять. Не инфляция: третий тяжелее. В мире «экспрессов» платят по весу: коробка — три, пакет — три, а пять — пять это рюкзак. Третий «заказ» был тем, что носят

на спине. То, что носят на спине: спина — это вторая рука курьера.

Спина — это вторая рука курьера. Руки несут коробку, спина несёт ряд. Ряд на спине — это ряд, который несут далеко, а ряд, который несут далеко, не вписывается в журнал: журнал вписывает коробку, спина вписывает ряд.

Третье — география.

Обычный ряд: Тушино до Медведкова, утро, плюс «Перекрёсток» вечером. «Премиум» — одна точка, Ильича. Ильича — за Медведково, «туда и обратно»: курьер заканчивает обычный ряд в Медведково, и «премиум» подхлёстывает к концу ряда, как хвост. Хвост удобен: к вечеру курьер пуст, время вечернее, а вечером курьер не звонит «на больничный» — он уже «там». У ряда есть голова, тело и хвост: голова — точка, тело — маршрут, хвост — вечер. Голова в свете, тело в маршруте, хвост в тёмном. Хвост — это та часть ряда, которая не видна в журнале: журнал показывает день, хвост — это вечер, и вечер не показывают.

Четвёртое — адрес.

Старое общежитие на Ильича. Виктор знал такие здания: «девятиэтажки» семидесятых, брошенные после пожара, за забором, третий корпус — жилой, с подвалом, двор под замком. Мёртвый адрес. Для «премиумной» доставки это именно тот адрес, который нужен: туда никто не ходит, там никто не замечает, и если что — «здание пустует, кто там живёт». Мёртвый адрес имеет три преимущества: туда никто не хо-

дит, там никто не видит, там никто не отвечает.

Никто не отвечает. Виктор знал преимущества: преимущество — это стена, стена — это дверь, дверь — это замок. У мёртвого адреса замки самые честные в городе: мёртвый адрес не запирает, мёртвый адрес закрывает.

Пятое — имя.

Виктор посмотрел на «В. Семёнов» ещё раз. В журнале имя было выведено не почерком диспетчера: Денис пишет крупно, впопыхах, буквы уходят вправо, а «В. Семёнов» было выведено мелко, деловито, буквы стояли ровно, как гвозди. Чистая рука. Офисная рука. Рука человека, который такие имена пишет часто, — то есть для которого «Семёнов» не имя, а ячейка в таблице.

Виктор посмотрел на инициал. Фамилия — это таблица, инициал — это человек: в таблице много Семёновых, в человеке один В. Он запомнил В: человека ищут по В, не по Семёнову.

Запомнил В.

И потом телефон.

Виктор не звонил с офисного. Офисный номер был чистый: он стоял в реестре, на вывеске, в двух справочниках, и каждый звонок с него — это след, который кто-то может снять. Из ящика он достал предоплатный — «курьерский», вторая линия, не на имя, купленный через «своих» на складах. Вторая линия — это вторая дверь ряда: первая дверь — офис (реестр, вывеска, справочники), вторая дверь — линия

(номер, карта, без имени).

Вторая дверь — линия. Через вторую дверь ряд выходит без следа: след — это первая дверь, а первая дверь — это след. В строке журнала у адреса был телефон: городская, выведенная тем же деловитым почерком, что и «В. Семёнов».

Один гудок. Два. Соединение. Никто не брал.

Виктор держал трубку. На линии была тишина, и тишина была полная: полная тишина — это комната, в которой кто-то есть, пустая тишина — это комната, в которой никого нет. Тишина линии была полная: кто-то был по ту сторону, и кто-то слушал через линию. Он положил трубку без третьего гудка: третий гудок — это след, а след — это первая дверь.

Мёртвая линия — одно, линия, где никто не берёт, — другое. Мёртвая линия — здание мёртвое. Линия, которая соединяется, а никто не берёт, — кто-то за линию платит: здание мёртвое, а «приёмная» живая.

Виктор положил трубку и записал в блокнот:

Третий корпус — приёмная. Линия живая. Очередь по вечерам, 18:30–19:00. Плата по весу, третий тяжёлый. «Семёнов» — офисная рука.

Он положил ручку. Лампа для журнала светила на красную строку, и красная строка была под лампой для журнала: в ярком свете факты блестят, под лампой для журнала факты стоят. Стоящий факт — это факт, который готов к маршруту.

Он сидел у окна. Вода капала через минуту. За стеклом,

напротив, в окне чужого дома горел свет — кто-то пришёл домой. Виктор считал капли и думал, с чего начать.

Адрес был мёртвым — и в мёртвый адрес не заходят. Зайти в «приёмную» — значит зайти в комнату, где очередь уже выстроилась. Нужно знать людей ряда: диспетчер знает ряд, но диспетчер видит только линию; люди ряда — это курьеры. А из курьеров «премиум» знал лучше Максима один — Ноготь.

Ноготь, по Денису, «уже не наш».

Виктор знал, куда ходят «уже не наши». Не в агентства: агентство — чистый мир, и человек, который «ушёл по личным», в чистый мир не встраивается. Они ходят на склад.

Склад был в Медведкове, в подземном паркинге у АЗС: комната из сэндвич-панелей, вывеска «ОФИС КУРЬЕРОВ, 24 ЧАСА». Дом курьеров: чай, зарядки, отчёты по сменам и единственное место в городе, где курьера не прогонят в форме. Дом курьеров — не склад: на складе коробки, в доме курьеров люди. Склад — это рука ряда, дом курьеров — это отдых ряда: ряд работает в маршруте, ряд отдыхает в чае.

За стойкой сидел Шиска: толстый мужчина лет пятидесяти, курьер шестнадцати лет, на лбе шрам — «с маршрута, не спрашивай». Шиска налил чай без слов — в «офисе» чай наливают без слов, слова здесь валюта. Шиска налил чай шестнадцать лет: чайник, стакан, блюдце — шестнадцать лет руки. В доме курьеров чай — это отчёт: курьер приходит, садится, наливают чай, чай — это сменный отчёт. Сменный

отчёт в чае — это сменный отчёт без следа: бумажный отчёт оставляет след, чайный отчёт оставляет пятно на стойке.

— Чё надо?

— Саша Злобин. «Ноготь».

Шиска имя не повторил: в доме курьеров имени не повторяют, имя говорят один раз, и имя помнят. Имя помнили: второй стакан чая.

Шиска посмотрел на дверь, потом налил себе вторую чашку.

— Ноготь. Две недели тут ходит. Придёт, чаю выпьет, уйдёт. Ушёл-то он за две недели до Гагарина, ты знаешь.

— Где живёт?

— Жил в Медведкове, комната. Переехал. Теперь в «Бухте» — бар на Медведковском, посудомой, там и спит. «Бухта» — не бар: «Бухта» — это угол. У угла есть стойка, у стойки есть дверь, у двери есть смена. Ночная смена: смена ряда. Ряд работает вечером, ряд спит ночью, и ночью ряд пьёт чай в углу. — Шиска наклонился через стойку, и радио над его головой трещало какой-то старинный марш. — Брат. Скажу раз, и больше не скажу. Ряд этот — не трогай.

— Какой ряд?

Шиска опять посмотрел на дверь. Чай в гранёном стакане остыл.

— «Премиум». Курьеры про него шёпотом. Ряд этого не существует. Два месяца назад был мужик на премиуме — он на точке один вопрос спросил: «мой клиент — кто». Через

неделю — «ушёл по личным». Уехал в другой город. Слышал, там спать не может. Не может спать: ряд оставляет след. След не в бумаге, след в теле: тело помнит дверь. Дверь, про которую он спросил, — тело её носит, тело несёт её в новый город, тело несёт её в новую кровать.

— А что ему серое пальто сделало?

Шиска поставил чайник.

— Брат, в «премиуме» пальто чёрное. У нас все пальто чёрные, у курьеров. Серый — это не наш цвет. Если ты видел серый — ты чужой ряд видел. А чужой ряд чай не пьёт.

Шиска сказал это без угрозы: в доме курьеров предупреждение — это правило, а правило говорят без угрозы. Виктор допил остывший чай: остывший чай — это закончившийся чай, закончившийся чай — это закончившаяся встреча.

Виктор оплатил чай, надел пальто и вышел в паркинг. Асфальт был мокрый и чёрный, от фар АЗС тянулось мокрое пятно. Он постоял у «офиса» и дописал в блокнот:

Ноготь — «Бухта», Медведковский. Ряд — в чёрном. Серый — чужой.

Потом он снял офисное пальто и оставил его в машине. Сегодня вечером он не был Виктором из агентства. Сегодня вечером он был человеком из ряда, а человек из ряда в бар за чаем не приходит — он приходит за сменой.

В заднем сиденье машины лежало чёрное пальто. Пальто ряда, пальто курьеров, пальто без бирки. Он надел чёр-

ное пальто и посмотрел на паркинг: паркинг был тёмный, свет АЗС — оранжевый, оранжевый — это свет ряда: ряд под оранжевым светом — ряд, который не видно. Он пошёл ко входу в паркинг. На входе — турникет, у турникета — охранник, охранник — это дверь ряда. Дверь открылась: дверь открывается чёрному пальто.

Глава 5

«Бухта» была на втором этаже панельки у рыбной базы: первый этаж пах рыбой, а бар пах ухой — два запаха, две жизни.

Два запаха, две жизни. Бар был маленький: стойка, четыре стола, бильярд в углу, радио в потолке. Радио играло то, что играют на базах: громко, старое, голос чуть мимо нот.

От паркинга до «Бухты» — девять минут: шесть вдоль АЗС, три вдоль рыбной базы. Шёл он не спеша: не спеша — это у того, кто имеет время. Рыбная база вечером: база спит, спящая база имеет одну лампу, и лампа — это свет базы. Он поднимался по лестнице: лестница скрипела на третьей ступеньке, и скрип был старый: скрип — это возраст лестницы.

Курьеры уже были: трое в форме, один без формы — «уже не наш», и мужик в кепке рыбака. Они пили чай и пиво и говорили курьерским языком: «ряд», «точка», «рука». Виктор зашёл в семь, заказал уху и сел за стойку, у самой двери на кухню.

Бильярд в углу: бильярдный стол — это второй свидетель бара: шары имеют возраст бара, сукно имеет руку бара.

Сукно имеет руку бара. Трое в форме — это день ряда; один без формы — это «уже не наш», перечёркнутый, сидит так, как сидят перечёркнутые: не в свете, не в тёмном, между. Мужик в кепке рыбака — человек базы: не ряда, но одной

комнаты. Комната держит всех: комната — это тело бара, и тело — это люди комнаты.

Ноготь вышел из кухни в восемь.

В восемь: восемь — это время смены.: фартук — это смена, и смена — это человек.

Тонкий, в поварском фартуке поверх белой рубашки, рукава закатаны до локтя, руки красные от воды. Лет тридцать четыре, лицо невнятное, но руки запоминались: ногти по кожице, без колец, без шрамов — точные руки, руки без лишних движений. Отсюда и кличка: не за руку, а за точность. В мире курьеров «Ноготь» значило: дай ему маршрут — он пройдёт его до последнего метра, без лишнего шага.

Он смотрел, как Ноготь моет руки: рука под водой, вода на руке. Тот, кто моет руки перед сменой, моет руки перед доставкой: рука — это лицо курьера, а мытое лицо — чистое лицо.

Он помыл, вытер руки полотенцем и ушёл на смену. Дверь на кухню была приоткрыта: в баре была одна дверь, а кухня была за ней, и со стойки в кухню было видно.

Виктор считал: затишье будет через двадцать минут — обеденный завал, набег рыбаков, бильярд. Он пил уху медленно. Уха была густая, с запахом речной рыбы и уксуса. Он пил её так, как пьют на «приёмной»: тихо, глядя на дверь.

Уха в баре рыбной базы — это валюта базы: тот, кто пьёт уху, человек базы, а человек базы — человек рынка. Виктор был человек базы: миска, ложка, ложка тихая, тихая ложка

— ложка, которая не звенит.

В восемь двадцать Ноготь вышел из кухни с подносом. Виктор поставил миску, достал из кармана сторублёвку и положил её на стойку — на край, у подноса, чтобы деньги были между ними.

Деньги на краю: деньги в руке — это хватка, деньги под салфеткой — это подкуп, деньги на столе — это долг. Деньги на краю стойки — это деньги как факт: вот, я плачу, вот цена. Сторублёвка: сто — это цена слов, и слова уже стоили сто: факт есть факт, факт не торгуется.

— Коля, — сказал он. — «Премиум» снова открыт.

Рука Ноготья с подносом остановилась. Не вздрогнула — остановилась, как останавливается маршрут: без лишнего движения. Он поставил поднос на стойку, оглядел бар и обошёл вокруг стойки. Радио играло громко, и голос его был под радио.

— Ряд был закрыт, — сказал Ноготь. — После Гагарина был закрыт.

— Снова открыт, — сказал Виктор. — Ряду нужен человек. Вы в списке.

— Вы думаете, я не знаю? Диспетчерская всем говорит, что я «уволен по личным». — Ноготь оперся на стойку. — Кто вы?

— Виктор. Я знаю «премиум».

— Все «знают премиум». Диспетчер знает, склад знает, Шиска знает. Садитесь, Виктор.

— На кухне.

Ноготь посмотрел на дверь кухни, на бар, на бильярд. Он что-то посчитал — Виктор заметил: Ноготь тоже считал, только другим счётом. Потом он взял полотенце, повесил его на спинку стула и сказал:

— Две минуты.

Две минуты: две минуты — это длина полотенца, длина маршрута от стойки до двери кухни. Он повесил полотенце на спинку стула: полотенце — это конец смены, а конец смены — это начало разговора.

На кухне пахло рыбой, средством для посуды и горячей водой. Две конфорки, полка, холодильник, окно во двор — во двор, где лежали коробки. Ноготь закрыл дверь и встал спиной к двери. Встал так, как встают курьеры: не перекрывая, а видя выход.

Окно во двор, двор в коробки: коробки базы. Коробки были поставлены к окну: коробка — это сон базы, и база спит в коробках. Дверь была закрыта со стороны кухни: кухня была закрыта изнутри, а закрытая кухня — это закрытый разговор: у разговора своя комната, у комнаты своя дверь, и дверь закрыта.

— Начнём с конца, — сказал Виктор. — Максим.

— Вам он зачем?

— Потому что Максим на ряде, а ряд закрыт. Закрытый ряд не ждёт: он забирает человека, который на ряде, и закрывается с ним.

Виктор не объяснял: объясняющий — в роли, говорящий — в факте. «Максим на ряде» — факт короткий, и короткого факта достаточно: факт не торгуется, факт стоит.

Ноготь молчал. Он закатывал рукав, потом откатывал. Виктор считал секунды. Раз, два… семь. Семь секунд — это длина решения.

Виктор досчитал до семи и перестал считать: счёт — это рука на груди, и рука на груди — это ждущий. Седьмая секунда была седьмой: после седьмой секунды — слово, а после слова — дверь.

— Я ушёл, — сказал Ноготь. — За две недели до него. Я сдал форму. Я сказал Денису: личные причины. Денис поверил — Денис всем верит, у диспетчера это работа.

— Почему?

— Я увидел то, чего не должен был видеть.

Увидел.

— Что увидели?

— Начну по порядку. Первые два заказа были маленькие. Коробка, пакет. Забирал я у двери третьего корпуса. Дверь открыта, в дверях мужик. Пальто чёрное — наш цвет, я расслабился. Он подаёт тебе коробку и говорит: «на второй этаж, не звони, я буду». Три тысячи, запечатанные, в конверте. Ты несёшь. Второй такой же: пакет, три тысячи. Неделя.

Мужик в дверях: мужик — это рука ряда.

— А третий?

— Третий — чёрный рюкзак. Не курьерский. Я курьер-

ский рюкзак знаю, я в нём шесть лет ходил. Тот был другой: молния другая, лямка другая, и вес другой — курьерский вес распределяется, а тот был с одной стороны, как мешок цемента в углу. Пять тысяч, запечатанные. А мужик в дверях — мужик в дверях был тот же. Чёрное пальто, чистые руки. Он сказал: «на второй этаж, не звони». А я спросил: «куда сдавать?» Он сказал: «сам знаешь».

— Не знаю, — сказал Виктор. — Скажите.

— Я не спросил, — сказал Ноготь. — В этом и дело. Я должен был спросить, а я не спросил. Я понёс. Второй этаж, дверь открыта, в дверях женщина — старая, в халате, она посмотрела на меня и сказала: «на третий?» — и я поставил рюкзак. Всё. Что внутри — я не видел. Я не открывал. Мне заплатили.

Заплатили: пять тысяч, запечатанные. Он положил конверт в карман и не открывал конверт: тот, кто не открывает конверт, не глядит. Ряд платит за то, что не глядят: «не гляди» — это цена ряда, и цена — это слово ряда.

— А серое пальто?

Ноготь перестал крутить стакан.

— Серый был не в дверях, — сказал он. — Серого я видел шесть дней назад. У подъезда. Я был в машине, через улицу — ждал брата. Максим ругался с серым. Я не слышал — стекло, мотор. Я видел только его руки: Максим отказывался. Он показывал: «это я не несу». Он тыкал в рюкзак. А серый — серый не повышал голос. Он просто стоял, с руками

в карманах. И Максим ушёл. С дрожащими руками.

— Что он сказал серому?

— Не знаю. Я видел руки. — Ноготь поставил стакан на полку. — Но я знаю одну вещь: он говорил: «я не несу то, что не моё». Я эту фразу слышал по рукам — я был в машине, но я его руки знал.

Руки: Виктор смотрел на руки Ноготья, и руки Ноготья крутили стакан. Руки, которые видели руки, говорят про руки: рука — это документ тела, рука не лжёт, рука просто не всё показывает.

Виктор сидел и не двигался. «Я не несу то, что не моё». Фраза была в комнате, на карте, в красном круге, в журнале. Максим сказал её матери, сказал её серому, написал её в приписке: «не заходить». Максим понял ряд лучше всех курьеров: ряд даёт тебе заказ, а если ты несёшь заказ, который не твой, — ты больше не курьер, ты часть заказа.

Часть заказа: заказ — это коробка, коробка — это ряд, ряд закрыт. Человек в коробке — это человек с коробкой. Виктор думал о Максиме: Максим не был в коробке, Максим был коробка: Максим нёс коробку на спине, и коробка была Максимом.

— Саша, — сказал он. — Зачем вы мне это говорите?

— Потому что вы пришли с деньгами на стойке, — сказал Ноготь. — И потому что ряд за мной следит. Неделю назад в бар приходил серый. Сел в угол, ничего не заказывал, смотрел на кухню. На меня, он смотрел. Я неделю меняю марш-

рут: иду слева, выхожу вечером. Понимаете? Я на ряд смотрел, а теперь ряд на меня смотрит. И Гагарин — Гагарин на ряде, а ряд закрыт. Если ряд ищет человека, с которым закрыть — он будет искать сначала того, кто знает.

— Меня, — сказал Виктор. — Меня и вас.

— Знаю, — сказал Ноготь. — Поэтому я вам говорю. Закрытый ряд не ждёт. Бегите быстрее, чем он.

Бегите быстрее, чем он: ряд бежит, ряд быстрее бегущего, но ряд бежит по маршруту, а бегущий бежит не по маршруту.

Ряд бежит по маршруту. Не по маршруту ряд медленнее: не по маршруту ряд — это маршрут без линии, а маршрут без линии — это маршрут, который ищет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.